

ГРИГОРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ПОТАШЕНКО

Вильнюсский университет

**Староверы в Литве (1918–1940):
правовой статус, социальное положение и эмиграция**

Провозглашение независимости Литвы, Польши, Эстонии, Латвии знаменовало новый период отношений между государством и староверием — период религиозного равноправия и признания. Впервые в истории литовского и балтийского староверия в целом старообрядческие церкви в этих странах получили автономию. Правда, затем, после государственных переворотов в 1934 г. в Латвии и Эстонии, автономия Церкви в этих странах была ограничена.

Между 1-й и 2-й мировыми войнами староверы жили в пяти государствах Балтии: Литве, Эстонии, Латвии, Польше (с Вильнюсским краем в 1920–1939 гг.) и Германии (около Экерсдорфа, ныне Войново, Польша). В 1930-х гг. в этих странах проживало около 194 тыс. староверов-беспоповцев и действовало 204 их прихода, в том числе более 42 тыс. человек и 53 прихода в Литве [LCVA, ф. 391, оп. 4, д. 708, л. 26], 700 человек и 2 прихода в Пруссии, около 50 тыс. человек и 52 прихода в Польше, включая Вильнюсский край с Западной Белоруссией [Iwaniec 1977, 272], более 91 тыс. и 85 приходов в Латвии [Фейгмане 2000, 10], 10 тыс. и 12 приходов в Эстонии [Пономарева, Шор 2006, 31–33].

Цель данной статьи — рассмотреть правовой статус, социальное положение староверов-поморцев в Литовской республике в 1918–1940 гг. и кратко представить их эмиграцию.

Правовой статус

В начале Первой мировой войны около 300 тыс. жителей Литвы вместе с отступающей российской армией ушли в глубь России [Lietuva 2005, 120]. По данным министра внутренних дел Литвы Р. Скипитиса, в 1918 г. в России уже было около 550 тыс. военных беженцев, называемых военными ссыльными, которые до войны проживали в быв-

ших Вильнюсской, Каунасской, Гродненской и Сувалкской губерниях [Skipitis 1961, 265], и в их числе около 90 тыс. русских [там же, 256]. Известно, что до 1914 г. на территории современной Литвы проживало около 200 тыс. русских.

В 1918–1921 гг. значительная русских беженцев вернулась из России — фактически из-за рубежа — в независимую Литву. По приблизительным сведениям Р. Скипитиса, в 1918 г. из России в Литву вернулось 30 тыс. русских, а в 1920–1921 гг. — еще 5 тыс. [там же, 256]. Большинство вернувшихся в Литву русских были, видимо, из староверческих семей.

В отличие от потомков русских православных XIX в. и новых русских беженцев и эмигрантов из Советской России, русские староверы в первой Литовской республике имели более глубокие корни на этой земле. Старообрядцы, проживавшие на территории Литвы до 1914 г. и позже вернувшиеся из российской эвакуации, без особых затруднений стали гражданами Литвы. По закону о гражданстве от 16 января 1919 г., все жители Литвы, постоянно проживавшие на ее территории до 1914 г. (за исключением служащих государственных учреждений Российской империи), имели право на получение литовского гражданства [Laikinasis įstatymas 1919, Nr. 2–3].

2 ноября 1918 г. Государственный Совет Литвы принял основные законы Временной конституции Литовского государства. Она содержала нормы, утверждающие основные права граждан. Среди них — свободу вероисповедания [Andriulis, Mockevičius, Valeckaitė 1996, 7]. Временная конституция Литвы от 10 июня 1920 г., принятая Учредительным Сеймом, еще раз узаконила свободу вероисповедания и декларировала свободу совести [там же, 7–24].

В октябре 1920 г. Вильнюс и Вильнюсский край были снова заняты поляками и до осени 1939 г. оставались в составе Польши. Дипломатические отношения между Литвой и Польшей были прерваны до 1938 г., связи между жителями этих стран очень ограничены. Каунас превратился во временную столицу первой Литовской Республики. Город стал духовным центром Старообрядческой поморской церкви (далее СПЦ), в котором с начала XIX в. действовала крупная староверческая община.

Конституция Литвы, принятая Учредительным Сеймом 1 августа 1922 г., установила принципы отношений между государством и Церковью, которые, по сути, сохранились в течение всего периода независимости. В конституции 1938 г. президент намеревался несколько изменить правовое и фактическое положение Церкви, прежде всего католической, в государстве. Конституция 1922 г. была более терпимой и отводила важное место Церкви как в политической системе (в качестве партнера государства),

так и в финансировании конфессиональных институций, особенно просветительских учреждений.

85 параграф конституции 1922 г. предусматривал право Церквей регистрировать имеющие юридическую силу акты рождения, бракосочетания и смерти по установленной законом форме. Эту документацию должно было вести духовенство. Таким образом, Литва была одной из немногих стран Европы, в которой до 1938 г. не существовала гражданская метрикация.

Важным событием в старообрядческой жизни Литвы стало появление 20 мая 1923 г. “Временных правил, регулирующих отношения между Старообрядческой Организацией Литвы и Правительством Литвы” [Laikinosios taisyklės 1923]. Согласно этому закону, СЦ в Литве была впервые в истории признана государством как автономное церковное объединение, получила юридический статус. Этот закон бережно относился к нуждам литовского староверия и сохранил за общинами свободу и независимость в делах внутреннего управления и вероисповедания. Однако закон сохранял и механизмы государственного контроля за деятельностью высших органов СЦ: МВД имело возможность утверждать (или не утверждать) состав ЦСС, было указано минимальное число прихожан (200 человек), избравших делегатов от прихода на собор¹. Начиная с 1925 г., правительство регулярно оказывало СЦ некоторую финансовую поддержку. Члены ЦСС и некоторые наставники за ведение метрических книг получали зарплату из государственного бюджета. Правительство время от времени выделяло средства или стройматериалы на ремонт или строительство старообрядческих храмов, поддерживало старообрядческие благотворительные организации и пр.

С 1923 г. “Временные правила” стали юридической основой для дальнейшей самоорганизации старообрядцев Литвы на канонической основе. 9 декабря 1923 г. на 2-м Вселитовском съезде староверов в Каунасе была избрана Духовная комиссия, рассматривавшая канонические и дисциплинарные вопросы.

Историк старообрядчества Иван Прозоров назвал первые пятнадцать лет независимости Литвы “периодом полной свободы вероисповедания и равноправия старообрядцев с другими религиями за границей”, т. е. в Литве, Латвии, Эстонии и Польше, в то время как в советской России, по его словам, шла “борьба с безбожниками” [Прозоров 2002, 5]. С точки зрения руководства СПЦ Литвы, отношение правительства к староверам было весьма благожелательным. Можно сказать, что староверы были благодарны государству за веротерпимость, предоставленные им права и внимание к их нуждам. В этот период русские староверы стали более интегрированной этноконфессиональной группой литовского общества.

Итак, с точки зрения взаимоотношений между Церковью и государством официальное признание Старообрядческой Церкви правительством Литвы в 1923 г. (в Польше это произошло в 1928 г.) было важным событием. Это было не только одним из необходимых условий законного оформления Церкви в демократической стране. Завершился процесс становления полной церковной структуры старообрядцев-беспоповцев, неоднократно прерывавшийся на протяжении XIX в. В новых политических условиях верх взяла не столько национально-церковная идея, сколько необходимость церковного обустройства в новом национальном государстве.

Несмотря на более строгий контроль со стороны государства, правовое положение Старообрядческой церкви при авторитарном режиме А. Смятоны по сути не изменилось. Юридической основой отношений между государством и Церковью оставались “Временные правила” от 1923 г., которые предоставили СЦ автономия во внутренней жизни. С другой стороны, поскольку эти правила были подписаны скорее по инициативе правительства, после непродолжительного обсуждения и без учета мнения наставников, в них появилось несколько норм, которые затем вызвали трения между государственными властями и ЦСС. Руководство СЦ было озабочено теми пунктами правил, которые предоставили возможность властям вмешиваться во внутренние дела Церкви: председателя ЦСС, его заместителя и членов Совета должен был утверждать министр внутренних дел (§6), члены совета должны были знать литовский язык (§4).

15 мая 1928 г. президент А. Смятона издал новую конституцию, узаконившую его авторитарную власть после переворота 17 декабря 1926 г. Однако конституция 1928 г. не затронула ни принципов, ни прав, предусмотренных конституцией 1922 г. для религиозных обществ [1928 metų konstitucija 1952, 18–29].

Тем не менее, ранее демонстрировавшее свою расположенность к СЦ правительство таутиников (“Союза литовских националистов”) в 1934 г. предприняла шаги, не соответствовавшие нормам “Временных правил” 1923 г. и конституции 1928 г. (§84). Стремясь взять под контроль деятельность ЦСС и видеть в его составе более лояльных авторитарному режиму людей, Департамент по делам культуры при Министерстве просвещения (с 1928 г. вероисповедные дела перешли из МВД в ведение референта этого министерства) не утвердил в 1930 г. новый состав ЦСС, избранный на 5-м Вселитовском съезде старообрядцев. Причиной были претензии Министерства просвещения к В. Прозорову, выехавшему за границу без ведома властей, и жалоба со стороны некоторых членов ЦСС. Группа староверов во главе с А. Ефремовым

обвинила председателя ЦСС В. Прозорова в незаконной передаче своих полномочий во время его поездки в Южную Америку в 1929 г. Жалобы председателя ЦСС на имя Министра просвещения и затем президента остались безрезультатными. Поэтому в 1931 г. состоялся внеочередной 6-й Вселитовский съезд старообрядцев, на котором В. Прозоров снова был избран на эту должность.

Три года спустя история повторилась. В апреле 1934 г. Министерство просвещения Литвы, получив жалобу о возможных финансовых нарушениях со стороны председателя ЦСС, не утвердило переизбранный на 7-м Вселитовском съезде старообрядцев новый ЦСС. В. Прозоров не был утвержден на должность председателя из-за выдвинутых против него обвинений в нарушениях финансовой дисциплины, выявленных также Ревизионной комиссией ЦСС (некоторые староверы считали эти претензии необоснованными) и лишь в 1935 г. установленных гражданским судом (на суде В. Прозоров признал свою вину и возместил денежную недостачу в бюджете ЦСС). Однако 15 июня 1934 г. министр просвещения неожиданно утвердил председателем ЦСС А. Ефремова, оставив прежний состав ЦСС без изменений.

Такое решение властей вызвало недовольство части старообрядческих общин, безуспешно требовавших вернуть должность избранному на съезде председателю В. Прозорову. Лишь в апреле 1938 г. на 8-м Вселитовском съезде старообрядцев законным председателем ЦСС был избран представитель Каунасской общины, известный деятель староверия Иван Прозоров. Новые попытки А. Ефремова обжаловать в гражданских инстанциях это решение съезда были безуспешны.

Таким образом, непризнание по сомнительным причинам Министерством просвещения соборно избранного ЦСС в 1930 г. и необоснованное назначение в 1934 г. председателем ЦСС фактически своего ставленника в обход решения Вселитовского съезда староверов и вопреки действующему законодательству можно расценивать как вмешательство правительства во внутренние дела СЦ. 1934–1938 годы были периодом напряженности в отношениях между государством и СЦ. Это привело к некоторым негативным последствиям в жизни СЦ: Церковь фактически осталась без канонического руководства, наблюдался рост внутренних споров (напр., конфликт 1937–1938 гг. между ефремовским ЦСС и Каунасской общиной), оставались “замороженными” некоторые старые проблемы, появилось недоверие к односторонним решениям чиновников и отчасти правительства таутининков в целом.

Отношения между государством и СЦ улучшились в апреле 1938 г. после соборного избрания нового руководства СЦ во главе с Иваном Прозоровым, вскоре признанного литовскими властями. Однако до на-

чала Второй мировой войны оставалось лишь полтора года, до оккупации Литвы в июне 1940 г. — немногим более двух лет. Эти события знаменовали резкий поворот в судьбе Литовского государства и общества. Новый, намного более тяжелый и трагический период наступил и для СЦ Литвы.

Социальное положение

В 1923 г. из почти 2,029 млн. жителей Литвы (без Вильнюсского края) старообрядцев было 32149 человек, или 1,59% от общего числа жителей, действовало 54 (53) поморские общины. Староверы составляли относительно небольшое религиозное общество Литвы — четвертое по численности прихожан после католиков (85,72%), иудеев (7,65%) и лютеран (3,28%); однако количество староверов превышало количество православных (1,13%, или почти 23 тыс. человек). Всего в Литве было зарегистрировано 30 вероисповеданий. В начале 1940 г. в Литве (с Вильнюсским краем, но без Клайпедского) проживало 57–62 тыс. староверов (2–2,1% от общего количества населения Литвы). Всего в Литве было 2,925 млн. жителей².

Староверие Литвы представляло собой относительно незначительное и рассеянное религиозное меньшинство. По данным переписи 1923 г., наибольшее количество староверов проживало на селе (29,3–29,7 тыс. человек, или 91,1–92,4%), главным образом, в северо-восточной и центральной части Литвы (без Вильнюсского края). Всего русские составляли 2,6% от общей численности сельского населения Литвы (другие этнические группы составляли, напр.: 91% литовцы, 0,5% евреи и т.д., см.: [Lietuvos gyventojai 1926, XXXVII]).

2,4–2,8 тыс. староверов (7,6–8,9%) проживало в городах и местечках, насчитывающих более 2000 человек³. Таким образом, у русских староверов сохранилось традиционное для многих этнических групп Литвы (кроме евреев, караимов и отчасти русских православных) расслоение на незначительное городское население и заметно преобладающие широкие массы крестьянства. Это определило и относительно низкий уровень городского населения всех русских Литвы — около 18,8%. Тем не менее, по уровню урбанизации русские Литвы превышали средний показатель по стране: в целом по Литве в 1923 г. в городах проживало 14,9% жителей [Lietuvos gyventojai 1926, XXX].

В 1923–1939 гг. распределение староверов по уездам и городам Литвы не претерпело существенных изменений. В присоединенном к Литве в 1923 г. Клайпедском крае было всего 48 староверов и православных. При высоком уровне естественной рождаемости среди русских (прежде всего среди сельских жителей) и заметной урбанизации в 1920–1930-е

гг. это соотношение староверов в уездах и городах, видимо, не изменилось или чуть увеличилось в пользу городского старообрядческого населения, хотя общая численность староверов в городах заметно выросла (точные данные отсутствуют).

Как и в XIX–начале XX вв., большинство русских в Литве в 1918–1940 гг. было занято в сельском хозяйстве. Так, в 1923 г. удельный вес занятых в сельском хозяйстве составлял 78,95%. Служанки, поденные рабочие и безработные составляли 8,38%, занятые в промышленности и ремесленничестве — 6,15%, служащие общественных и государственных учреждений — 3,22%, занятые в торговле — 2,35% и работающие в транспортной отрасли — 0,95% [Lietuvos gyventojai 1926, LIV]. Значительная часть староверов (около 25%) занималась разными ремеслами, мелкой торговлей и под. Среди них было немного предпринимателей, служащих (юристов, учителей и пр.) и церковнослужителей.

Хотя мы не располагаем точными данными, можно предположить, что среди русских староверов преобладали мелкие (до 10 га) и небольшие средние (10–30 га) хозяйства. Около 76% общего числа русских, занятых в сельском хозяйстве, составляло трудовое крестьянство. Это ярко свидетельствовало о мелкотоварном характере сельского хозяйства русских землевладельцев и сельского хозяйства Литвы в целом. Так, по данным переписи сельского хозяйства Литвы 1930 г., в Зарасайском уезде, где русские составляли 15% жителей, было 6741 хозяйство, среди них мелкие (от 1 до 10 га) составляли 2980 (44,2%) хозяйств, небольшие средние (10–30 га) — 3125 (46,4%), большие средние (30–50 га) — 461 (6,8%), крупные (50–100 га) — 146 (2,2%) и очень крупные (более 100 га) — 19 (0,3%) [Vaskela 1992, 175–186]. Конечно, эти данные о количестве земли у всех жителей Зарасайского уезда не следует отождествлять с соответствующими показателями среди русских, но они приблизительно отражают общую картину русского землепользования в этом уезде. Надо учесть, однако, что процент крупных и очень крупных хозяйств у русских, скорее всего, был меньше.

Можно назвать лишь несколько десятков русских владельцев больших средних (30–50 га) и крупных хозяйств (50–100 га и более): это, например, Николай Покровский около Шяуляй (более чем 300 га), Николай Тотлебен в Кедайнйяй, Зубовы в Шяуляйском уезде, Илларион Васильчиков около Юрбаркаса (все православные). Среди владельцев больших средних хозяйств было немало и русских староверов. Так, например, крупное хозяйство было у Петра Пимонова около Ширвинтай. Прозоровы и Е. Ерин владели десятками га земли около Каунаса, Ефремовы — около Йонавы. В 1930 г. в Литве всего было 20597 больших средних и 6638 крупных хозяйств [там же, 183–186].

Старообрядческое городское и местечковое население было небольшим: 2,4–2,8 тыс., или 7,6–8,9% общего их количества. Городское староверческое население состояло из небольшой группы духовных наставников, предпринимателей, мелких чиновников и интеллигенции, остальные составляли в основном четыре социальные группы: рабочие, ремесленники, земледельцы и домохозяйки.

Треть русских староверов горожан проживало в Каунасе — религиозном и культурном центре поморцев Литвы в 1920–1930-х гг. В социальном отношении большинство староверов Каунаса в 1924 г. относилось к “низам”, это были фабричные рабочие, поденщики и домохозяйки (52,6%). Староверы выделялись среди горожан относительно высокой долей ремесленников (22,5%), в основном рабочих строительной промышленности. Среди них было небольшое число мелких предпринимателей-строителей. Кроме того, среди каунасских староверов было много занятых в сельском хозяйстве (22,3%), между тем как вообще среди жителей Каунаса сельское хозяйство было источником существования лишь для 2,5% (2203 человек из 92446 жителей Каунаса).

Подавляющую массу староверов Литвы в 1923–1924 гг. все еще составляли мелкие крестьяне-собственники, небольшой слой сельскохозяйственных рабочих и ремесленников, а также относительно новый небольшой слой средних и крупных сельских хозяев, ориентированных на рыночное производство. Они были рассеяны по всей стране и жили в окружении, главным образом, литовского сельского населения. Еще одну группу русских староверов составляли немногочисленные горожане, проживающие в основном среди литовского, еврейского и польского городского населения в восточной и центральной части Литвы.

Итак, по социальным характеристикам местные русские староверы, как и все русские, были ближе всего к литовцам и полякам, среди которых в численном отношении также преобладало крестьянство и сравнительно узкий слой промышленного пролетариата. Однако русские староверы уступали литовцам и полякам по численности и активности социальных “верхов” — политической элиты, крупных и мелких слоев городской и сельской буржуазии, собственной интеллигенции, и в то же время у русских православных была более высокая степень урбанизации. В этом отношении они были похожи на евреев и немцев, но явно уступали еврейскому меньшинству с характерной для него городской торговой и сравнительно молодой финансовой элитой. По наличию группы собственной интеллигенции, “старой” дворянской верхушки, царских чиновников и офицеров русские православные сопоставимы с литовцами и поляками. И, конечно, с известными исключениями, к литовцам как “государственной национальности” не принадлежали

этнические меньшинства — евреи, поляки, немцы, русские и др. Их пропорциональное присутствие в политической элите, между членами правительства и высшими чиновниками Литвы была невелика, к тому же со временем сокращалась (о ситуации евреев см. [Eidintas 2002, 65; Truska 2005, 105–112]).

В 1920–1930-х гг. хозяйство и социальная структура Литвы не претерпели радикальных перемен. Литва оставалась аграрной страной: в 1939 г. 79% ее населения было занято в сельском хозяйстве, тогда как в промышленности и ремесленничестве — 6%, хотя сельское хозяйство и промышленность Литвы, как и культура, постепенно развивались.

Важнейшие изменения за эти 20 лет выразились в дальнейшем социальном расслоении старообрядческого сельского населения на небольшую прослойку крупных и средних “капиталистических” хозяев и массу мелких и средних крестьян, хозяйства которых при естественном росте населения и далее постепенно дробились. Это порождало появление новых безземельных крестьян и относительную бедность, увеличение сельскохозяйственных рабочих и рост безработицы, постепенное переселение в города и появление новой русской трудовой эмиграции.

В общем, несмотря на то, что средний уровень жизни в Литве был более низким, чем в соседней Германии, и приравнивался к ситуации в Латвии (хотя и был выше, чем в северо-восточной Польше), он все еще был терпимым благодаря низким ценам на продукты питания.

С провозглашением независимости Литвы, как и Польши, Эстонии, Латвии, начался новый период отношений между государством и староверием — период религиозного равноправия и признания. Впервые в истории литовского и балтийского староверия в целом Старообрядческие церкви в этих странах получили автономию. Правда, затем, после государственных переворотов в 1934 г. в Латвии и Эстонии, автономия Церкви в этих странах была ограничена.

Эмиграция староверов

Основной проблемой все еще оставалась “скрытая безработица” на селе, обострившаяся из-за последствий мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. и экономического кризиса Литвы 1937–1938 гг. В результате ухудшения экономического положения на селе сотни русских покинули Литву в 1920–1930-х гг., особенно интенсивно в 1926–1929 гг., затем в 1936 г. Эмиграционный поток русских, в том числе и старообрядцев, в 1929 г. был одним из самых значительных: из Литвы эмигрировало 457 русских (80–90 семей), не считая нелегальных эмигрантов, при том, что собиралось уехать несколько сот старообрядческих семей [LSM 1940, 54].

По официальным данным, в 1923–1939 гг. из Литвы эмигрировало более 78 тыс. человек, среди них 923 русских (без учета эмигрировавших по национальности в 1923–1928 гг. [там же, 17, 54]). По мнению тогдашних специалистов, официальные данные об эмигрантах нужно увеличить по меньшей мере на 10% за счет нелегальной эмиграции [Truska 2005, 92].

В течение шести лет, с 1923 г. по 1928 г. (когда национальность еще не учитывалась), из Литвы уехало 45554 человека, среди них более 12854 евреев [Levin 2000, 87]. Это в полтора раза больше, чем за остальные одиннадцать лет. Можно предполагать, что среди эмигрантов 1923–1928 гг. было много сотен и даже, вероятно, несколько тысяч русских. Учет высокого уровня эмиграции русских в 1929 г. (457 человек) и увеличения эмиграции после государственного переворота 1926 г. дает основание предполагать, что за предшествующие шесть лет могло уехать от 1,5 до 2,5 тыс. русских. Однако более точное количество русских, эмигрировавших из Литвы в эти годы, не поддается учету.

Общая численность русских-эмигрантов в 1923–1939 гг. могла достигать 3–3,5 тыс., что составило бы 4–6% от общего количества русских Литвы в 1930-х гг. Учитывая активность староверов в эмиграции в 1929 г. и в последующие годы, численность староверов среди всех русских эмигрантов могла достигать не менее половины уехавших, т. е. 1,5–2,0 тыс. человек.

Особенно активно эмиграция русских (в частности, староверов) проходила в конце 1920-х гг. В первой половине 1930-х гг. эмиграция староверов из Литвы, как и всех русских, резко сократилась, хотя в 1934–1936 гг. был замечен ее постепенный рост и последовавший затем спад (до 1939 г.). После 1930 г. эмиграция была приостановлена административными мерами [Lietuva 2005, 120]. Приблизительная численность русских, эмигрировавших из Литвы лишь в 1923–1928 гг., может в несколько раз превышать официальные данные о русских эмигрантах 1929–1939 гг.

В 1918–1940 гг. староверы Литвы продолжали мигрировать, как и раньше, главным образом в Южную Америку (Бразилию, Уругвай и Аргентину).

Мотивы эмиграции из Литвы

Еще в 1918–1921 гг. тысячи староверов также участвовали в международной миграции русских из России. После “Великой войны” многие староверы, как и вообще около 35 тыс. местных русских, вернулись в Литву из России, фактически иммигрировав из Советской России. Это совпало с массовым бегством россиян в 1918–1921 гг., вызванным приходом к власти большевиков в России.

Мотивы же эмиграции староверов из межвоенной Литвы несколько изменились. В условиях религиозной свободы и отсутствия строгих ограничений на выезд, религиозные мотивы эмиграции для местных староверов утратили свое былое значение и почти полностью уступили место иным — экономическим, частично социально-психологическим (национально-патриотическим) и политическим. Эмиграция литовцев в межвоенной Литвы была также экономической [Эйдингас 1989, 152], еврейская к тому же носила ярко выраженный религиозно-патриотический (исход в Палестину) и политический характер.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подобные нормы были и в правилах, регулирующих взаимоотношения государства и Православной церкви в Литве. Подробнее об этом: [Marcinkevičius, Kaubrys 2003, 68–71; Laukaitytė 2003, 17].

² По данным статистического управления Литовской ССР, на 1 июля 1940 г. в Литве проживало 2,9 млн. человек, из которых 86–96 тыс. составляли русские (религиозность населения не учитывалась; см. [LCVA, ф. R-743, оп. 5, д. 47, л. 79]).

³ Русские составляли 2,5% от общей численности городского населения Литвы (57,1% литовцы, 32,2% евреи, 3,4% немцы, 2,9% (по другим данным, гораздо больше) поляки; см. [Lietuvos gyventojai 1926, XXXVI]).

СОКРАЩЕНИЯ

LCVA = Lietuvos centrinis valstybės archyvas (Центральный государственный архив Литвы).

LSM = Lietuvos statistikos metraštis (Статистический ежегодник Литвы).

ЛИТЕРАТУРА

Пономарева Г., Шор Т., 2006: *Староверы Эстонии*. Краткий исторический справочник. Тарту.

Прозоров И., 2002: *История старообрядчества*. Москва: Третий Рим.

Фейгмане Т., 2000: *Русские в довоенной Латвии*. На пути интеграции. Рига.

Эйдингас А., 1989: *Литовская эмиграция в страны Северной и южной Америки в 1868–1940 гг.* Вильнюс.

Andriulis V., Mockevičius R., Valeckaitė V. (parengė), 1996: *Lietuvos valstybės teisės aktai (1918 02 16–1940 06 15)*. Vilnius.

Eidintas A., 2002: *Žydai, lietuviai ir holokaustas*. Vilnius.

Iwaniec E., 1977: *Z dziejów staroobrzędowców na ziemiach polskich XVII–XX w.* Warszawa.

Marcinkevičius A., Kaubrys S., 2003: *Lietuvos stačiatikių bažnyčia, 1918–1939 m.* Vilnius.

- Laikinasis įstatymas 1919: Laikinasis įstatymas apie Lietuvos pilietybę, *Laikinosios Vyriausybės žinios*, Nr. 2–3.
- Laikinosios taisyklės 1923: Lietuvos sentikių organizacijos santykiams su Lietuvos vyriausybe normuoti laikinosios taisyklės, *Vyriausybės žinios*, 1923 m. gegužės m. 20 d., Nr. 132.
- Laukaitytė R., 2003: *Staciatikių bažnyčia Lietuvoje XX amžiuje*. Vilnius.
- Levin D., 2000: *Trumpa žydų istorija Lietuvoje*. Vilnius.
- Lietuva 2005 = *Lietuva. Šeimos enciklopedija*. Kaunas.
- Lietuvos gyventojai 1926 = *Lietuvos gyventojai*. 1923 m. rugsėjo 17 d. surašymo duomenys. Kaunas.
- Skipitis R., 1961 = *Nepriklausomą Lietuvą statant*. Chicago.
- Truska L., 2005: *Lietuviai ir žydai nuo XIX a. pabaigos iki 1941 m. birželio. Antisemitizmo Lietuvoje raida*. Vilnius.
- 1928 metų konstitucija 1952 = 1928 metų konstitucija, *Lietuvos valstybės konstitucijos* (Išrašai iš "Vyriausybės Žinių" 1922, 1928 ir 1938 metų). Toronto.
- Vaskela G., 1992: *Lietuvos kaimo gyventojai 1920–1940 m. (Socialinis ir ekonominis aspektas)*. Vilnius.

E-mail: grigorijus.potashenko@if.vu.lt

Январь 2009 г.

GRIGORIY V. POTASHENKO

Old Believers in Lithuania (1918–1940): Their Legal Status, Social Position and Emigration

The article examines the legal status and social position of the Pomorian Old Believers in the Lithuanian Republic in 1918–1940 as well as their emigration abroad. In 1922, the Constitution of Lithuania set forth the principles of the relations between the State and the Church, which, in fact, were preserved throughout the period of the country's independence. On May 20, 1923, the government issued the "Provisional Regulations concerning the Relationship between the Organization of the Old Believers of Lithuania and the Lithuanian Government", whereby the autonomy of the Old Believers' Church was recognized.

In 1923, there were 32,149 Old Believers in Lithuania, which amounts 1,59% of the population. There were 53 active parishes with 51 spiritual fathers. The Old Believers of Lithuania constituted an insignificant and relatively dispersed religious minority. In 1923, most Old Believers lived in villages (29,3–29,7 thousand people, or 91,1–92,4%), mainly in the north-eastern and central part of Lithuania. 2,4–2,8 thousand of Old Believers (7,6–8,9%) lived in cities and townships. In 1923–1924, an overwhelming majority of the Old Believers consisted of small farmers, a narrow layer of agricultural workers and tradesmen, as well as by a relatively new, and small layer of middle-sized and large rural owners who were oriented toward market production.

In 1923–1939, the total number of Russian emigrants from Lithuania amounted to 3–3,5 thousand people, which constituted 4–6% of the Russian population in Lithuania in 1930. The number of Old Believers among Russian emigrants amounts to no less than half of those leaving, i.e. 1,5–2,0 thousand people.